

Екатерина Мордвинцева

Агентство Купидон. Нити судьбы

«Литнет»

2022

Мордвинцева Е.

Агентство Купидон. Нити судьбы / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2022

Я думала, что бездарна. Найти свое призвание было очень непросто, но оказалось, что оно нашло меня само. «Какое?» – спросите вы. Сейчас расскажу... Хотя путь к самой себе был не простым, но я справилась. И рада представить вам свое детище – брачное агентство Междумирья «Купидон». Мы приходим к тем, кто не влюблен! Первая книга цикла «Агентство «Купидон»». Вторая книга уже на сайте: «Простушка для графа».

© Мордвинцева Е., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Осенний воздух был густым и влажным, пахнувшим прелой листвой, дымом из труб и далёким, едва уловимым предчувствием снега. Эмма шла по знакомому маршруту от дома к парку, методично пиная опавшие кленовые листья. Они взлетали перед её кроссовками короткими рыжими фонтанами, точно повторяя цвет её собственных распущенных волос.

Сегодня, в свой двадцать второй день рождения, она чувствовала себя не взрослой женщиной, а потерянным ребёнком.

Все её мысли крутились вокруг разговора с отцом, который разорвал привычную тишину их дома всего час назад. Не разговор — битву. И Эмма проиграла её, как всегда.

Она медлила с возвращением, хотя понимала, что это детский, почти издевательский протест. Просто хотелось ещё немного побыть в этом осеннем мире, который был её единственным настоящим домом. На Земле. Там, где нет магии, которая сделала её жизнь такой сложной, даже не принадлежа ей самой.

Воспоминание нахлынуло, яркое и болезненное, как всегда:

Ей девять. Мама, Юлия, сидит с ней на этом же самом диване в гостиной, обняв за плечи. В её волосах, таких же огненно-рыжих, как у Эммы, запутался солнечный луч.

— Видишь, солнышко, — мама водит пальцем по воздуху, и Эмма старательно смотрит, но видит только пылинки, танцующие в свете. — Каждый человек, умеющий любить, оставляет за собой светящуюся ниточку. И где-то там, далеко-далеко, есть вторая половинка, которая тянет за другой конец. Рано или поздно они обязательно встретятся.

— А у нас с тобой есть ниточка, мама? — спрашивает маленькая Эмма.

Юлия смеётся, и от её смеха в комнате становится светлее.

— Самая крепкая на свете. Она никогда не порвётся.

Ниточка порвалась. Через восемь лет. Рак не считается с магией или светящимися нитями судьбы. Он оборвал мамину нить резко, жестоко, оставив Эмму и Герхарда на разных концах пустоты.

Эмма тяжело вздохнула, остановившись у перекрёстка. Светофор отсчитывал секунды красным глазом. «Пять, четыре, три...» Она машинально повторяла про себя, как делала всегда, когда нервничала. Этот ритмичный счёт успокаивал.

Смена цвета. Толпа пешеходов хлынула на проезжую часть. Эмма двинулась вместе со всеми, погружённая в себя настолько, что не заметила, как её окликнули.

— Эмма! Эй, Броудс! Проснись!

Высокий темноволосый парень догнал её и, ловко обойдя, встал на пути, заставив резко остановиться. Эмма вздрогнула и едва не ткнула его в грудь острым концом сложенного зонта, который таскала с собой из-за утреннего дождя.

— Бастиан! Чёрт возьми! Я могла тебя поранить!

— Сомневаюсь, — он беззаботно улыбнулся, отбрасывая со лба прядь тёмных волос, растрёпанных ветром. — Я тебя уже минут пять окликаю. Ты была в каком-то трансе. Идёшь и бормочешь что-то про «не вернись». Что случилось?

Он смотрел на неё своими пронзительными карими глазами — слишком внимательно, слишком знающе. Бастиан Франст был её единственным по-настоящему близким другом, который понимал её странное положение меж двух миров. Сын Джордана Франста, преемника её отца на посту начальника Внешних связей Дариона. Он вырос там, но проводил каникулы здесь, на Земле. Они познакомились в шестнадцать, когда Бастиан помогал ей готовиться к экзамену по истории, в которой она плавала, как щенок в океане. С тех пор он был её якорем.

— Всё в порядке, — буркнула Эмма, стараясь обойти его. — Просто думала.

— О чём? О том, чтобы не вернуться? Куда? — он не отставал, ловя её взгляд.

— Никуда. Забей.

Но Бастиан уже взял её за локоть и мягко, но настойчиво повёл в сторону небольшого кафе с тёплым светом в витринах.

— Давай без этого. Рассказывай. У тебя лицо, как после разговора с призраком. Или с отцом. Что, опять про твоё «будущее»?

Они уселись у окна. Бастиан заказал два капучино и круассан для Эммы, её слабость. Она молча смотрела, как за окном проносились машины, оставляя на мокром асфальте шипящие следы.

— Он отправляет меня на Дарион, — наконец выдохнула она, не глядя на друга. — Завтра. Устроил фрейлиной к королеве. Сказал, вопрос закрыт.

Бастиан не ответил сразу. Он отпил глоток кофе, изучая её лицо.

— И?

— И?! — Эмма вспыхнула, наконец повернувшись к нему. — Я не хочу туда! Это не мой мир, Бастиан! Мой мир — вот он. Школа у метро, этот паршивый колледж, в который он меня засунул, этот дождь, эти дурацкие круассаны! У меня здесь друзья... Ну, ты. У меня здесь воспоминания о маме. Там... Там я никто. Дочь отставного чиновника без капли магии в мире, где магия — всё.

— Ты не никто, — тихо сказал Бастиан. — Ты Эмма Броудс. И на Дарионе ты будешь собой, а не дочерью кого-то. Возможно, отец прав. Ты закончила учёбу год назад и до сих пор не нашла себя. Может, нужно сменить обстановку?

— Ты тоже за него? — в её голосе прозвучала горечь.

— Я за тебя. Но я вижу, как ты топчешься на месте. Ты не хочешь быть юристом, я это знаю. Ты не знаешь, чего хочешь. На Дарионе... Там другие возможности. И, — он сделал паузу, — мы могли бы видеться чаще. Я сейчас большую часть времени там. Налаживаю одно дело.

Эмма сжала губы. Мысль о том, чтобы видеть Бастиана чаще, была единственным лучиком света в этом мрачном предложении. Но свет был слишком тусклым.

— Я не хочу быть фрейлиной, — прошептала она. — Придворная жизнь, интриги, улыбки сквозь зубы... Это не для меня. Я мечтала...

Она замолчала.

— О чём ты мечтала, Эм? — его голос стал мягче.

Она пожала плечами, глядя на свои руки.

— Не знаю. Мама всегда говорила, что нужно найти то, что заставляет сердце биться чаще. Что-то своё. Маленькое, но своё. Как её цветы на подоконнике или её вышивки. Она создавала красоту. А я... Я только потребляю её. Учусь, потому что «надо». Живу, потому что «надо».

— Возможно, на Дарионе ты и найдёшь это «своё», — предложил Бастиан. — Там магия не только в заклинаниях. Она в воздухе, в воде, в старых камнях. Она может вдохновить.

— Вдохновить? — Эмма горько усмехнулась. — Меня вдохновляет мысль, что у меня нет магии, а у тебя есть? Что я буду вечной «странной землянкой» при дворе?

— У тебя есть кое-что другое, — он улыбнулся. — Упрямство. И ум. И... — Он замолчал, и в его глазах мелькнуло что-то, что Эмма не смогла прочитать. — И ты сильнее, чем думаешь.

Они допили кофе в тишине. Бастиан проводил её почти до самого дома, до серого четырёхэтажного особняка в тихом районе, который Герхард купил ещё до её рождения. Они шли под одним зонтом, и Эмма невольно думала, как легко и прочно он шагал по мокрому тротуару, в то время как её собственная жизнь казалась таким же скользким и ненадёжным местом.

— Спасибо, — сказала она у калитки. — За всё.

— Я всегда на твоей стороне, помни это, — он сжал её плечо. — Даже если я не всегда говорю то, что ты хочешь услышать.

Он ушёл, а Эмма ещё несколько минут стояла под дождём, глядя ему вслед. Потом, собравшись с духом, вошла в дом.

Тишина в прихожей была гулкой, насыщенной невысказанными словами и обидой. Из кухни доносился запах жареного мяса и звук голосов. Голос отца, низкий и усталый, и голос Эльзы — лёгкий, мелодичный, старательно весёлый.

— Я дома! — крикнула Эмма, снимая мокрое пальто.

В дверном проёме кухни появилась Эльза. Худая, почти хрупкая блондинка с бледной, как фарфор, кожей и тонкими, изящными запястьями. Она была красива в своей холодной, отстранённой манере, как старинная кукла.

— Эммочка, наконец-то! — её улыбка не дотягивала до глаз. — Мы начали волноваться. Иди ужинать, всё остывает.

— Не голодна, — буркнула Эмма, направляясь к лестнице.

— Эмма. — Это был уже голос отца. Герхард Бродс стоял в гостиной, прислонившись к косяку. Высокий, статный, с каштановыми волосами, уложенными с безупречной аккуратностью. Даже дома он выглядел так, будто готовился к аудиенции у короля. В его глазах читалась усталость и то самое упрямство, которое он с лихвой передал дочери. — Зайди ко мне. Пожалуйста.

Последнее слово прозвучало как уступка. Эмма кивнула и последовала за ним в кабинет — комнату, пахнущую старыми книгами, кожей и лёгким, едва уловимым запахом озонной магии, который всегда витал вокруг отца.

Он закрыл дверь и жестом предложил ей сесть в кресло напротив его массивного стола.

— Я знаю, что ты злишься, — начал он без преамбулы. — И мне жаль, что это так. Но моё решение окончательно.

— Потому что так хочет Эльза? — вырвалось у Эммы. — Она наконец-то решила избавиться от назойливого напоминания о твоей прошлой жизни?

Герхард вздрогнул, как от пощёчины.

— Эмма! Не смей так говорить. Эльза не имеет к этому никакого отношения.

— Правда? — Эмма вскочила. — А кто всё время нашептывает, что я «бездельница»? Кто постоянно сравнивает меня с какими-то её племянницами, которые уже «сделали карьеру»? Она не хочет, чтобы я была здесь! И ты идёшь у неё на поводу!

— Я действую в твоих же интересах! — Герхард тоже поднялся, и его голос зазвенел. — Ты не ребёнок! Пора взять ответственность за свою жизнь! На Дарионе у тебя будет положение, связи, возможности, которых здесь нет!

— У меня здесь есть жизнь! — крикнула Эмма, и её голос дрогнул. — Здесь мамин сад! Её комната! Здесь всё пахнет ей, а не духами из duty-free, которые она, — Эмма ткнула пальцем в сторону кухни, — разбрызгивает везде, чтобы стереть эти запахи!

Наступила тяжёлая пауза. Герхард опустился в кресло, и вдруг он выглядел не строгим отцом, а просто уставшим, поседевшим мужчиной, потерявшим любовь всей своей жизни.

— Я не пытаюсь стереть её, Эмма, — тихо, почти шёпотом сказал он. — Я пытаюсь жить дальше. И хочу, чтобы ты жила. По-настоящему. Не в тени воспоминаний и не в плену собственного страха перед будущим.

Эмма хотела кричать, спорить, но слова застряли у неё в горле. Она видела боль в его глазах — ту самую боль, которую носила в себе. И свою собственную злость ей вдруг стало стыдно.

— Я не вернусь, папа, — прошептала она, но уже без прежней горячности. — Это не мой путь.

— Твой путь начинается завтра, в девять утра, у портала, — твёрдо сказал Герхард. — Я уже всё согласовал. Багаж соберут службы. Тебе нужно только быть готовой.

Он не стал ждать ответа. Повернулся и вышел из кабинета, оставив её одну в тишине, нарушаемой лишь тиканьем старинных часов на камине.

Эмма опустила в кресло, обхватив голову руками. Она чувствовала себя загнанной в угол. Мир, который она считала своим, отказывался её держать. А тот, другой мир, манил и пугал одновременно. И сквозь весь этот хаос эмоций проступал один ясный, болезненный образ: улыбка матери, её тёплые руки и вера в то, что где-то там, в будущем, для Эммы тоже найдётся своя яркая, неразрывная нить.

Если бы она только знала, что эта нить уже ждёт её. И что первый шаг к ней будет не в свете придворных свечей, а в пронзительном визге тормозов на мокром осеннем асфальте. Слезы застилали её глаза, когда Эмма, не выдержав, схватила пальто и вновь выскочила на улицу, не забирая пути. Она опомнилась, лишь услышав пронзительный визг тормозов на дороге...

Удар был не болью, а внезапным, оглушающим белым шумом. Звук рвущегося металла, хруст стекла, чей-то далёкий, как из-под воды, крик — всё это смешалось в один пронзительный визг, который обрушился на Эмму и тут же стих, сменившись странной, абсолютной тишиной.

Она не чувствовала своего тела. Не чувствовала холодного дождя, падавшего на лицо. Было только странное парение, будто её выдернули из слишком тесной оболочки и отпустили в невесомость.

И потом она увидела. Увидела себя со стороны.

Собственное тело, неестественно скрученное, лежало на мокром тротуаре у самого бордюра. Рыжие волосы, такие яркие на сером асфальте, расплзлись лужей. Рядом стоял на коленях Бастиан — его лицо было искажено ужасом, рот открыт в беззвучном крике. Он что-то кричал, тряс её за плечо, но Эмма не слышала ни звука. Вокруг уже сгущалась толпа, кто-то звонил в скорую, мигал свет фонарей на мокрой мостовой.

Это было так странно. Не страшно. Любопытно. Как будто она смотрела плохо снятый фильм о чужой жизни.

— Эмма...

Голос прозвучал не в ушах, а где-то внутри, в самой сердцевине её нового, невесомого «я». Он был тёплым, знакомым до слёз.

Она обернулась.

За спиной, в нескольких шагах, словно отфильтрованная из самого тумана и осеннего света, стояла Юлия. Не такой, какой Эмма помнила её в последние месяцы — измождённой и бледной. А такой, какой она была в самые счастливые дни: с сияющими зелёными глазами, с огненными волосами, свободно спадавшими на плечи, в том самом сиреневом свитере, который она так любила. Она улыбалась, и от этой улыбки в том странном, беззвучном мире стало тепло.

— Мама? — Эмма не слышала собственного голоса, но поняла, что произнесла это.

— Девочка моя, — губы Юлии не шевелились, слова рождались прямо в сознании Эммы. — Как ты выросла. Как похожа.

Эмма бросилась к ней, пытаясь обнять, и прошла сквозь неё. Нет, не сквозь. Она слилась с этим образом на мгновение, и волна такой всепоглощающей, чистой любви омыла её, смывая весь страх, всю обиду, всю боль последних лет. Это было похоже на возвращение домой после долгой, изматывающей дороги.

— Я... Я умерла? — мысль Эммы обрела форму, устремившись к матери.

Юлия мягко покачала головой. Её образ слегка колебался, как отражение в воде.

— Нет, солнышко. Это лишь привал. Мост между ударом и выбором. Для тебя ещё не пришло время покидать живых. Ты нужна здесь. Ты нужна там.

— Где? Я не понимаю... — Эмма посмотрела на своё физическое тело, к которому уже пробирались люди в оранжевых жилетах. Бастиан отчаянно отказывался отходить, его держали двое мужчин.

— И на Земле, и на Дарионе. И во многих других местах, — голос матери звучал печально и мудро. — Твоя дорога только начинается. И она будет сложной. Я хотела уберечь тебя от этого, но, видимо, сама судьба решила иначе.

Юлия посмотрела на своё запястье. Там, где у живых людей Эмма позже научится различать алые ленты судьбы, у матери была такая же лента, но оборванная. Край её был неровным, растрёпанным, будто её не развязали, а разорвали грубой силой. Мать бережно, с нежностью, стала развязывать узел, которым лента крепилась к её тонкому запястью.

— Что ты делаешь?

— Отдаю тебе то, что осталось от моей жизни, — ответила Юлия, и в её голосе прозвучала невыразимая грусть. — Мой дар. Моё проклятие. Мою возможность видеть.

Она протянула воображаемую ленту. И Эмма, повинувшись инстинкту, протянула руку. В следующее мгновение она почувствовала в ладони лёгкое, шелковистое тепло. Взглянув, она увидела у себя в руке ту самую алую, оборванную ленту. Она пульсировала тихим, тёплым светом.

— Почему она такая? — спросила Эмма, касаясь неровного края.

— Потому что и моя жизнь оборвалась внезапно. Посреди пути. Посреди... — Юлия запнулась, и её образ на мгновение стал прозрачнее. — Посреди важных дел. Будь осторожна, дочка. Этот дар — великая сила. Он позволяет видеть истинные связи, самые крепкие и самые хрупкие нити, что связывают души. Но эта же сила пугает тех, кто хочет контролировать судьбы других. На Дарионе его боятся. Им пытались владеть.

— Кто? — ужас, наконец, начал пробиваться сквозь благодатную апатию.

— Сильные мира сего. Те, кто считает, что любовь и предназначение должны служить политике. Меня просили стать орудием при дворе. Я отказалась. И за мной до самого конца следили. — В глазах Юлии мелькнула тень старого страха. — Они не знали, передаётся ли дар по крови. Надеялись, что нет. Теперь... Теперь они могут догадаться. Скрывай его, Эмма. Пока не станешь сильнее. Пока не поймёшь его истинную природу.

Эмма сжала в кулаке алую ленту. Она казалась такой хрупкой.

— А что мне с ним делать? Как им пользоваться?

— Ты научишься. Сердце подскажет. Дар — это не просто зрение. Это чувство. Ты будешь ощущать натяжение нитей, их прочность, их боль... — Мать сделала шаг назад, её образ начал мерцать, как свеча на сквозняке. — Помни: не всякую нить можно, а главное — нужно, соединять. Некоторые связи отравлены. Некоторые ведут в пропасть. Твоя задача — не играть в божество, а помогать. Подсказывать. Давать шанс. Как садовник, который не заставляет цветы расти, а лишь поливает их и убирает сорняки.

Вдали послышался нарастающий вой сирены. Эмма инстинктивно обернулась к своему телу. К нему уже подъезжала машина с мигающими огнями.

— Мне пора, — сказала Юлия, и её голос стал совсем тихим, далёким. — Они пытаются вернуть тебя. Держись, моя девочка. Ищи свой путь. И прости отца. Он любит тебя так сильно, что сам от этого страдает.

— Мама, не уходи! — мысль Эммы была полной отчаяния.

— Я всегда с тобой. В каждой увиденной тобой нити, в каждом биении твоего сердца, когда ты поймёшь, что наша нить, она никогда не рвалась. Она просто изменила форму. Теперь она — часть тебя.

Образ Юлии растворился в золотистом тумане, оставив после себя лишь тихий шёпот:

— Береги себя...

Эмма стояла одна в этом странном не-месте, сжимая в руке алую ленту. Потом посмотрела вниз, на хаос. Бастиана оттеснили, врачи ловко укладывали её бездыханное тело на носилки. На запястье у старичка, что стоял в толпе и крестился, Эмма вдруг увидела такую же нить, которая была тусклой, почти серой и обрывалась, не доходя до земли...

Она понимала теперь. Видела. И этот новый взгляд на мир был одновременно прекрасен и ужасен.

Сирена скорой взывала вновь, звук прорвался сквозь барьер тишины, резкий и требовательный. Эмма почувствовала странное притяжение, как будто её начало затягивать в воронку. Она не сопротивлялась. В последний момент взглянула на своё тело в машине, на бледное лицо Бастиана, сидящего рядом.

Её потянуло вперёд. Пространство сжалось в туннель света и звука. И Эмма, всё ещё сжимая в кулаке невидимую для других алую ленту, сделала шаг навстречу боли, тьме и новому, уже навсегда изменённому существованию.

Боль вернулась первой. Глухая, разлитая по всему телу пульсация, на фоне которой чётче других выделялась острая, сверлящая боль в правой ноге и раскалённая тяжесть в голове. Затем пришёл звук — монотонный, настойчивый писк, отбивающий ритм её собственного сердца. И запах. Антисептик, лекарственная горечь, стерильная чистота, пахнущая тоской.

Эмма медленно, с огромным усилием, приподняла веки. Белый потолок с трещинкой в углу. Бледно-салатовые стены. Тяжёлая гипсовая громада на ноге. Капельница, тонкой змейкой уходящая под лейкопластырь на её руке.

Она была жива.

Мысль пришла не с облегчением, а с тяжёлым, свинцовым удивлением. Она пережила это. Автомобиль. Белый свет. Мама...

«Мама...» — хотела прошептать Эмма, но из горла вырвался лишь хриплый, беззвучный стон.

Шевеление сбоку. На стуле, подsunутом к самой кровати, сидел, склонив голову на сложенные на краю матраса руки, Бастиан. Он спал, но сон его был тревожным — брови сведены, губы плотно сжаты, пальцы время от времени дёргались. Он выглядел ужасно: тёмные тени под глазами, день-два щетины, мятая рубашка.

Эмма попыталась пошевелить другой рукой, свободной от капельницы, чтобы дотронуться до его волос. Просто чтобы убедиться, что он настоящий. Но движение вызвало новую волну боли в плече, и она снова застонала, на этот раз громче.

Бастиан вздрогнул, подскочил. Сонные, затуманенные глаза уставились на неё, не веря. Потом в них вспыхнуло осознание.

— Эмма? — его голос был хриплым от недосыпа. Он резко вскочил, стул с грохотом отъехал назад. — Эмма! Ты... Ты в сознании! — Он потянулся было к кнопке вызова, но замер, боясь оторвать от неё взгляд, словно она могла исчезнуть. — Боже... Держись, я сейчас, я врача...

Он выбежал из палаты, и через минуту её заполнили люди в белых халатах. Бастиана вежливо, но твёрдо выпроводили за дверь. Осмотр был быстрым, профессиональным и холод-

ным. Свет фонарика в глаза, вопросы, на которые она могла только слабо кивать или мотать головой. Пульс, давление. Их бормотание доносилось словно сквозь вату.

— ...перелом бедра, со смещением, операция прошла хорошо...

— ...сотрясение серьёзное, будем наблюдать...

— ...молодая, организм крепкий, должна восстановиться...

«Должна.» Это слово повисло в воздухе.

Когда врачи ушли, первым в палату ворвался не Бастиан, а отец. Герхард Броудс выглядел на двадцать лет старше. Его безупречная осанка сломалась, пиджак висел мешком, а в запавших глазах бушевала буря из вины, страха и облегчения.

— Эммочка... — он опустился на тот же стул, на котором спал Бастиан, и осторожно, как хрустальную вазу, взял её здоровую руку в свои. Его пальцы были ледяными. — Прости меня. Это я во всём виноват. Я... Я не должен был...

Он не смог договорить, просто сжал её ладонь так сильно, что кости затрещали. Эмма увидела его запястье. И задержала дыхание. От него, тонкая, как паутинка, но невероятно прочная на вид, тянулась алая нить. Она была оборвана, как и у мамы, но срез казался старым, затянувшимся. Нить не пульсировала, а словно дремала, уходя в стену и растворяясь в ней.

— Папа... — прохрипела она.

— Молчи, не говори. Ты должна беречь силы. Врачи сказали... — он провёл свободной рукой по лицу. — Как только снимут гипс, мы... Я передумал. Ты никуда не поедешь. Остаешься здесь. Всё будет как ты захочешь.

Но в его словах не было прежней отеческой уверенности. Была паника. Паника человека, который едва не потерял последнее, что связывало его с прошлым счастьем.

Позже, когда Герхарда уговорили пойти выпить кофе, в палату снова пробрался Бастиан. Он принёс с собой сумку, из которой достал бутылку воды со спортивным носиком.

— Думал, может, пить захочешь, когда очнёшься, — сказал он, пытаясь улыбнуться. Улыбка получилась кривой, усталой. Он аккуратно поднёс носик к её губам. Прохладная влага оказалась лучшим, что она чувствовала за последнее время.

Они молчали. Бастиан смотрел в окно, на серое небо, Эмма — на его профиль. На его запястье. Яркая, живая алая нить всё так же уверенно тянулась от него куда-то вдаль. Она была красивой. Цельной. И от этого на душе у Эммы стало ещё горше.

— Как долго я...? — наконец выдохнула она.

— Три дня. Три самых долгих дня в моей жизни, — он повернулся к ней. В его глазах стояла та самая боль, которую она видела у отца, но смешанная с чем-то ещё. С упреком к самому себе. — Я должен был быть внимательнее. Должен был увидеть эту машину раньше.

— Не глупи, — прошептала Эмма. — Это был несчастный случай.

— Несчастный случай, который чуть не убил тебя! — голос его сорвался. Он замолчал, сглотнув ком в горле. — Ладно. Не буду. Главное, что ты здесь. Ладно хоть я решил вернуться...

Он приходил каждый день. Сменял отца у её постели, читал ей вслух глупые новости из интернета, пытался кормить её больничными пюре, когда она слишком слаба была, чтобы держать ложку. Именно в эти тихие, болезненные дни их дружба обрела новую, молчаливую глубину. Слова были не нужны. Его присутствие было щитом от кошмаров, которые стали посещать её по ночам — не об аварии, а о бесконечных, запутанных алых нитях, которые душили её, опутывали, тянули в какую-то бездну.

Выписка домой стала для Эммы испытанием не только физическим, но и психическим. Дом встретил её знакомыми запахами и новым, острым зрением.

Впервые она увидела это в прихожей, когда Эльза помогала ей пройти в гостиную. На тонком запястье мачехи, обхватывавшем её локоть для поддержки, тоже была алая нить. И

тоже оборванная. Но этот обрыв был иным — неровным, рваным, будто нить не порвали, а её годами медленно, жестоко перетирали. Эмма инстинктивно отдернулась.

— Что-то не так? Болит? — спросила Эльза, её бледное лицо выражало искреннюю тревогу.

— Нет... просто... закружилась голова. — Эмма солгала, опуская взгляд. Она не могла объяснить. Не могла сказать: «Я вижу, что ваша судьба была разбита задолго до того, как вы встретили моего отца, и это пугает меня».

Наступили дни мучительного бездействия. Гипс, костыли, головокружения. Мир сузился до размеров их дома. И в этом мире её новый дар начал проявляться чаще, вырываясь из-под контроля, как щенок, которого только что выпустили на волю.

Она видела нить у почтальона, доставившего заказное письмо — короткую и яркую, ведущую прямо в соседний дом. Видела оборванную, иссохшую нить у пожилой соседки, с тоской смотревшей в окно. Видела тонкую, слабую нить у девушки-бариста из ближайшей кофейни, которая флиртowała со всеми подряд.

Но самым пугающим были «больные» нити. Однажды, выглянув в окно, она увидела молодую пару, гуляющую с коляской. Их нити были переплетены, но одна из них, женская, была покрыта чёрными, язвенными пятнами, которые медленно расплзались, отравляя связь. Эмма зажмурилась, но образ стоял перед глазами. Она чувствовала исходящую от той нити тяжесть, отчаяние. Постродовая депрессия? Измена? Она не знала. Но знала, что видит самую сокровенную боль этих людей, их надлом. Это было непрошеное, насильственное вторжение. Она чувствовала себя вуайеристом у замочной скважины вселенной.

И она начала сходить с ума. Или так ей казалось.

Бастиан, как всегда, стал её спасательным кругом. Он появлялся, отвлекая её от мрачных мыслей, вытаскивая на короткие прогулки в парк, когда она уже могла хоть как-то передвигаться. Их разговор о нитях в парке был не случайностью, а кульминацией её отчаяния.

— Бастиан, ты правда ничего не видишь? — настаивала она, когда они сидели на скамейке, и она снова указала на проходящего мужчину. — Вон, у него, на руке! Алую ленту!

Он смотрел туда, потом на неё, и в его глазах крепло беспокойство.

— Эмма, там ничего нет. Тебе, может, к врачу? Неврологу? После сотрясения бывают...

— Я не сумасшедшая! — вырвалось у неё, но в голосе уже звучали слёзы. Она боялась, что он прав. Что всё это галлюцинации повреждённого мозга.

И тогда, в отчаянии, она рассказала ему. О пограничном состоянии. О матери. О том, что та отдала ей оборванную ленту своей жизни. Она ждала насмешки, рациональных объяснений. Но Бастиан слушал, не перебивая, и его лицо стало серьёзным, почти строгим.

— Твоя мать... — медленно проговорил он. — Отец иногда упоминал, что у неё были особые способности. Что на Дарионе ими очень интересовались. Он никогда не вдавался в подробности. Думал, это просто слухи.

Он не сказал, что верит ей. Но и не назвал её безумной. В его взгляде была тревога, но другого рода — не за её рассудок, а за её безопасность.

Через два дня он пришёл попрощаться.

— Мне нужно уехать, Эм. На Дарион. Надолго.

Они сидели в гостиной. Эмма, подняв ногу на пуфик, вязала что-то бессмысленное, чтобы занять руки.

— Надолго — это на сколько? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Не знаю. Месяц. Два. Возможно, больше. — Он не смотрел на неё, разглядывая узор на ковре. — Я хочу начать что-то своё. Не зависеть от отца. От службы. Найти своё место.

«Свое место.» Эти слова отозвались в ней болезненным эхом. У него было своё место. Оно было где-то там, в мире магии и возможностей, куда он и уезжал. А её место? Её место было здесь, на диване, с ногой в гипсе, с головой, полной чужих алых секретов.

— А как же мы? — сорвалось у неё, и она тут же пожалела. Звучало так по-детски, так эгоистично.

Он наконец поднял на неё глаза. И в них было столько невысказанного, что у Эммы перехватило дыхание. Тоска. Привязанность. Что-то ещё, более глубокое, что она боялась назвать.

— Мы всегда будем друзьями, Эмма. Ничто этого не изменит. Я буду приезжать. И ты... — он сделал паузу. — Ты обязательно найдёшь, что делать со своим даром. Я в этом уверен.

Он ушёл. А Эмма осталась одна в тишине дома, чувствуя, как вместе с ним уезжает последняя частичка её прежней, понятной жизни. Её рука инстинктивно потянулась к запястью, к тому месту, где она чувствовала призрачное присутствие материнской ленты. Нити вокруг неё были повсюду — яркие, оборванные, больные. А её собственная... Её собственной не было видно. Лишь пустота. И одиночество, которое было теперь громче, чем боль в сломанной ноге.

Глава 2

Тишина в доме после отъезда Бастиана стала иной. Не просто отсутствием звуков, а плотной, звонкой субстанцией, в которой слишком громко билось сердце Эммы. Гипс на ноге превратился в кандалы, приковывающие её не только к дивану, но и к собственным мыслям. Видения нитей стали навязчивыми. Она ловила себя на том, что замирала, уставившись на пустое пространство перед лицом официанта или телеведущего, пытаясь разглядеть то, чего не видел никто другой. Это сводило с ума.

Отец заметил. Герхард, всё ещё ходящий по дому с видом человека, ожидающего второго удара, наблюдал за ней с возрастающей тревогой. Он видел, как она вздрагивала, когда на экране появлялся какой-нибудь человек. Как отводила взгляд от Эльзы, при этом тихо вздыхая.

Разговор назрел сам собой.

Он начался в кабинете, вечером, когда Эльза уехала на встречу с подругами. Герхард подошёл к креслу, где Эмма смотрела в окно на первые снежинки.

— Поговорим? — его голос был мягким, усталым. Не приказным, а просящим.

Эмма кивнула, не оборачиваясь. Она боялась, что в его глазах увидит то же сомнение, что было у Бастиана. Сомнение в её здравомыслии.

Он придвинул второе кресло, сел рядом, не напротив. Это был жест союзника, а не оппонента.

— Бастиан позвонил мне. Перед отъездом. Он сказал, что ты видишь что-то. И что ты рассказала ему о Юле.

Эмма сжалась. Предательство? Нет. Забота.

— И ты тоже думаешь, что я сошла с ума? — выдохнула она, наконец глядя на него.

Герхард долго смотрел на неё, и в его глазах не было ни капли осуждения. Только глубокая, старая печаль.

— Нет. Я думаю, что у меня кончилось время, чтобы надеяться на лучшее. Я молился, чтобы этот дар обошёл тебя стороной. Как молился, чтобы обошла её болезнь.

Он поднялся, подошёл к старому, массивному сейфу, встроенному в стену за картиной. Покрутил циферблат. Щёлкнуло. Он вытащил не папки с документами, а небольшой, обтянутый потертой кожей сундучок. Принёс его, поставил на низкий столик между ними.

— Я никогда не показывал тебе этого, — тихо сказал он. — Слишком больно было. И слишком опасно.

Он открыл крышку. Внутри лежали не драгоценности. Там были вещи мамы. Простые, земные. Засохший цветок в тонкой книге. Несколько вышитых салфеток. Свёрток писем, перевязанных лентой. И на самом дне — потрёпанная тетрадь в твёрдой обложке и маленькая шкатулка из тёмного дерева.

Герхард взял тетрадь, погладил пальцами корешок.

— Это её дневник. Не весь. Тот, что она вела, когда мы только поженились и переехали сюда. Позже она перестала писать. Говорила, что некоторые вещи даже бумаге доверять нельзя.

Он открыл тетрадь на середине, где лежала закладка — та самая сиреневая ленточка от её свитера. Протянул Эмме.

«...Герхард смеётся, говорит, что я придумываю. Говорит, это от нервов, от беременности, от тоски по дому. Я и сама хочу верить, что это игра воображения. Но сегодня в магазине я видела кассиршу. От её запястья тянулась яркая-яркая красная нить, прямо через весь зал, к молодому грузчику, который разгружал паллеты. Он на неё даже не смотрел, увлечён работой. А нить пульсировала, как живая. Я чуть не расплакалась прямо у кассы. Отчего? От красоты этого? Или от ужаса, что я вижу то, чего не должны видеть люди?..»

Эмма читала, и мурашки бежали по коже. Это был её собственный голос, её собственный страх, записанный рукой матери двадцать с лишним лет назад.

«...Приехали послы от Его Величества. Опять. Вежливые, улыбчивые. Предлагают «почётную должность при дворе». Герхард вежливо отказал. Я видела нити этих послов. Они были не алые. Они были серые, холодные, как проволока. И все они тянулись к portalу, из которого они пришли. Мне страшно. Я знаю, что их направил начальник Тайной канцелярии короля Улвер Виджор. Я сказала Герхарду, что, если они приедут ещё раз, я сама поговорю с ними и откажу настолько грубо, что они поймут — со мной не договориться. Лучше пусть думают, что я истеричка, чем поймут, что дар настоящий...»

— Улвер Виджор... — прошептала Эмма. Имя, холодное, как сталь.

— Да, — голос Герхарда был безжизненным. — Он тогда был правой рукой старого короля. Человек без принципов, но с безграничной жадой контроля. Он считал, что дар Юлии — идеальный инструмент для укрепления династических союзов, для шантажа, для выявления слабых мест врагов. Любовь для него была не чувством, а уязвимостью.

Он взял шкатулку. Внутри, на бархатной подушечке, лежал странный предмет — не то брошь, не то амулет из тусклого серебра в форме двух сплетённых колец. Но кольца были разомкнуты.

— Это подавитель, — сказал Герхард. — Его тайно изготовили для неё маги Дариона, те немногие, кто был на нашей стороне. Он должен был приглушать дар. Помогать контролировать видения. Носила она его недолго. Сказала, что он не столько приглушает, сколько искажает. Видеть тусклые, больные нити ещё страшнее, чем яркие. И он причинял ей физическую боль.

Эмма смотрела на амулет с ужасом и жалостью. Её дар был проклятием с самого начала. Не благословением, а ношей, которую мать несла, защищая семью.

— После её смерти... — Герхард с трудом выговорил это слово. — Я первым делом обыскал дом. Искал скрытые маячки, подслушивающие артефакты. И нашёл. Два. Один в её шкатулке для рукоделия, другой — в карнизе в спальне. Их оставили, чтобы знать, передался ли дар. Чтобы следить за тобой.

Лёд пробежал по спине Эммы.

— И что ты сделал?

— Уничтожил. И создал видимость, что дар умер вместе с ней. Рассыпал слухи о её «психической неустойчивости» в последние годы. Позорил её память, чтобы защитить твою жизнь. — Он закрыл лицо руками. — Прости, Юлия...

Это была цена. Цена её безопасности. Цена их спокойствия. Эмма вдруг осознала всю глубину отчаяния отца, всю грандиозность его молчаливой войны за неё.

— Почему ты не сказал мне раньше? — голос её дрогнул.

— Потому что надеялся! — он выдохнул. — Ты была ребёнком. Потом подростком. Никаких признаков. Я думал, может, сработало. Может, дар требует для передачи не просто крови, но особых обстоятельств. Авария... Пограничное состояние между жизнью и смертью... Видимо, это и стало спусковым крючком.

Он достал из сундука последний предмет — фотографию. На ней Юлия, молодая, цветущая, с сияющими глазами, стояла в саду Дариона, какой-то невероятной красоты, с цветами, светящимися изнутри. А рядом с ней, обняв за плечи, стоял не Герхард, а другой мужчина. Высокий, темноволосый, с грустными глазами и доброй улыбкой. От его запястья к запястью Юлии тянулась та самая алая, цельная, ослепительно яркая нить. На обороте почерком матери было написано: «Со Стефаном. До того, как оборвалось всё.»

Эмма подняла глаза на отца. Он смотрел на фото без ревности, с бесконечной грустью.

— Это не ты...

— Нет. Это её первая любовь. Погиб в пограничном конфликте за год до нашей встречи. Её нить оборвалась тогда, — Герхард говорил тихо, как на исповеди. — Моя... Моя оборвалась незадолго до этого. Мы нашли друг друга не по велению судьбы, Эмма. А по велению сердца. По желанию быть не одинокими в своём горе. И я благодарен за каждый день, что она была со мной. Но наша связь... Она была иной. Сознательным выбором. А не божественным предначертанием.

Он положил ладонь ей на руку. Его запястье с оборванной нитью было рядом.

— Твой дар, Эмма, он показывает именно эти предначертанные связи. Самые крепкие, самые фатальные. Юля говорила, что видела их у единиц. У большинства людей не нити — просто выбор, привычка, привязанность. А эти алые, они редки. И когда они рвутся, это убивает часть души.

Эмма смотрела на оборванные нити отца и мачехи. Две сломанные судьбы. И на пустое пространство у своего собственного запястья. Она всё понимала теперь.

— Они придут за мной, да? — тихо спросила она. — Если узнают.

Герхард кивнул, и в его глазах вспыхнула знакомая решимость.

— Да. Поэтому мы будем действовать на опережение. Ты поедешь на Дарион. Но не как беспомощная фрейлина. Как моя дочь, под защитой моего старого статуса и связей. Джордан Франст поможет. А ты должна научиться. Научиться контролировать это. Прятать это. И, возможно, — он сделал паузу, — найти этому применение. Как хотела твоя мать. Не для двора. Для людей.

Идея, которая уже зрела в её сердце после разговора с Эльзой, получила подтверждение и направление. Страх не исчез. Но к нему прибавилась твёрдая, холодная решимость. Это было её наследие. Не только проклятие, но и миссия. И первым шагом к её исполнению была не открытая конфронтация, а возвращение в самое логово льва — с открытыми глазами и спрятым кинжалом знаний.

Она снова взглянула в дневник матери, на её нервный, летящий почерк. И впервые за долгое время почувствовала не разобщённость, а связь. Через время, через боль, через алые нити судьбы, которые, как оказалось, могли связывать не только влюблённых, но и мать с дочерью, передавая эстафету самой жизни.

Перемирие с Эльзой началось не с громких заявлений, а с малого. С молчаливого соглашения не наступать друг другу на больные мозоли. После откровенного разговора с отцом Эмма видела мачеху другими глазами. Не как захватчицу, а как ещё одного человека с оборванной нитью, пытающегося найти тихую гавань после своего кораблекрушения.

Первой ласточкой стало утро, когда Герхард уехал по делам, связанным с её будущим отъездом. Эмма, ковыляя на костылях по коридору, услышала из гостиной тихое, отчаянное всхлипывание.

Она замерла. Эльза никогда не плакала. Даже в самые жаркие ссоры её глаза оставались сухими и холодными, как озёрный лёд. Любопытство пересилило осторожность. Эмма выглянула из-за косяка.

Эльза сидела на диване, сторбившись, в руках у неё была старая, потрёпанная фотография. На неё падал утренний свет, и в этом свете она казалась не холодной светской львицей, а потеряннм, очень уставшим человеком. Её тонкие пальцы дрожали.

Эмма уже было собралась отступить, но костыль предательски скрипнул об пол.

Эльза вздрогнула, резко вытерла глаза тыльной стороной ладони и подняла голову. В её взгляде не было обычной отстранённости — лишь мгновенная, животная паника, которую она тут же попыталась скрыть.

— Эмма... я не услышала, как ты...

— Всё в порядке, — быстро сказала Эмма, чувствуя себя неловко. — Я хотела чаю. Не помешаю?

Эльза кивнула, запихивая фотографию в карман халата.

— Я как раз собиралась поставить чайник.

Минуту спустя они сидели на кухне за столом, заваленным утренними газетами. Между ними стоял гулкий вакуум неловкости. Эльза разлила по чашкам ароматный эрл грей — тот самый, что любила мама. Эмма заметила это, но промолчала.

— Спасибо, — сказала Эмма, когда Эльза поставила перед ней чашку. И добавила, глядя на пар, поднимающийся над ней: — За чай. И за помощь. Последние дни. С лекарствами, с едой.

Эльза медленно опустилась на стул напротив.

— Это нормально. Ты же ранена. — Она сделала паузу. — Я рада, что ты пошла на поправку. Твой отец был вне себя.

— Да, — вздохнула Эмма. — Кажется, я его здорово напугала.

Ещё одна пауза. Потом Эльза неожиданно спросила:

— Он тебе показал? Сундук?

Эмма кивнула, не в силах солгать.

— Да. Вчера.

— Я знала, что он это сделает, — Эльза тихо вздохнула. — После того звонка от Бастиана. Он больше не мог нести это в одиночку. — Она обхватила чашку ладонями, словно грея вечно холодные пальцы. — Юлия... Она была удивительной. Я её немного знала, ты же в курсе? Мы пересекались на светских мероприятиях, когда Герхард ещё служил.

Эмма смотрела на неё, удивлённая. Отец никогда не говорил об этом.

— Она была живой. Настоящей. Все эти чопорные дамы при дворе Дариона казались картонными по сравнению с ней. Она не боялась смеяться громко, говорить то, что думает, носить яркие цвета. И при этом в её глазах всегда была такая глубокая грусть... Я тогда не понимала, откуда она. Теперь понимаю.

— А вы с отцом тогда... — Эмма не знала, как сформулировать.

— Боги, нет! — в голосе Эльзы прозвучало что-то похожее на смех, но без веселья. — Герхард даже не смотрел в мою сторону. Он смотрел только на неё. Как путник на родник в пустыне. Это было одновременно прекрасно и больно наблюдать. Потому что я тогда была замужем.

Это было как удар. Эмма застыла.

— Замужем?

Эльза кивнула, её взгляд уплыл куда-то в прошлое.

— За гвардейским капитаном. Стефан. У нас была та самая алая нить, как вы называете. Была любовь. Настоящая. Или мне так казалось. — Она замолчала, её пальцы нервно барабанили по фарфору. — Он погиб. Глупо, на учениях. Оступился. Я осталась одна. С пустотой внутри и с долгами. Он был азартен, мой Стефан.

Она говорила ровно, без эмоций, словно докладывала погоду. Но Эмма видела. Видела, как оборванная нить на её запястье, та самая, рваная и перетёртая, на мгновение вспыхнула тусклым, болезненным светом.

— Герхард и я встретились спустя годы. На приёме в честь отставки какого-то чиновника. Оба в трауре, оба с пустотой вместо будущего. Мы нашли друг в друге тишину. Не страсть. Не судьбу. Тихую гавань, где можно перевязать раны. Он предложил уехать сюда, на Землю. Начать всё с чистого листа. И я согласилась. Это был побег. От воспоминаний. От долгов. От всего. — Она посмотрела на Эмму, и в её голубых глазах впервые не было привычной ледяной стены. Была уязвимость. — Я знаю, что я для тебя не мать. И никогда ей не буду. И знаю, что

я плохая замена. Я не умею быть тёплой. Не умею как она. Но я никогда не хотела занять её место. Я просто хотела перестать быть одинокой. И дать твоему отцу такую же возможность.

Эмма молчала, переваривая услышанное. Вся её прежняя ненависть казалась теперь мелкой, детской. Она видела перед собой не «мачеху», а Эльзу. Женщину, чью судьбу перемололи жернова обстоятельств.

— Я не знала, — наконец выдохнула Эмма. — Прости.

— Не за что прощать, — Эльза махнула рукой. — Я вела себя не лучшим образом. Ревновала к её памяти. Боялась, что ты никогда меня не примешь. И этот страх делал меня колючей.

С этого дня между ними установилось хрупкое, но настоящее перемирие. Оно проявлялось в мелочах.

Гипс сняли, но нога всё ещё болела, и ходить без костылей было нельзя.

Эмма, от нечего делать, достала из маминого сундучка неоконченную вышивку. Это был сад Дариона — причудливые серебряные цветы на тёмно-синем шёлке. Она сидела в гостиной, пытаясь угадать следующий стежок, когда Эльза присела рядом с собственной работой — вязанием сложного ажурного шарфа.

— У неё был изумительный вкус в цвете, — тихо сказала Эльза, глядя на вышивку. — Ни один местный мастер не додумался бы сочетать серебро с этим оттенком индиго. Это место откуда-то с Земли?

— Думаю, да, — ответила Эмма. — Она часто смешивала техники.

Они сидели так почти час, каждая погружённая в своё рукоделие, но атмосфера была не враждебной, а мирной. Компаньонской.

— Знаешь, — неожиданно сказала Эльза, не отрывая взгляда от петель. — Твой дар, когда ты рассказала о нём, я не испугалась. Мне стало спокойнее.

Эмма удивлённо подняла голову.

— Это объяснило многое. Почему Герхард так яростно тебя охранял. Почему вокруг Юлии всегда был ореол такой трагической тайны. И это дало мне ответ на мой собственный вопрос.

— Какой?

— Почему я не чувствую с Герхардом того, что чувствовала со Стефаном, — Эльза отложила вязание. Её лицо было спокойным. — Потому что наша нить — не алая. Она из другого материала. Из уважения, из взаимной поддержки, из тихой привязанности. И теперь я знаю, что это нормально. Что это не делает наш брак «меньше». Он просто другой. И в этом нет ничего плохого.

В её словах не было горечи. Было принятие. Мудрое, взрослое принятие того, что жизнь редко даёт нам именно ту любовь, о которой мы мечтаем в юности. Но это не значит, что другие формы любви недостойны.

В ту ночь, ложась спать, Эмма думала не о нитях, не о даре, не о предстоящем отъезде. Она думала об Эльзе. О её холодных руках, умевших так бережно поправлять подушку. О её прямой, безжалостной к себе честности. И впервые за долгое время дом не казался ей полем боя. Он снова стал просто домом. Местом, где живут люди со своими шрамами, своей болью и своей, тихой, немеркнувшей надеждой на то, что даже оборванные нити можно аккуратно подшить и жить дальше, не цепляясь за обрывки, а неся их с собой как часть своей истории.

Это понимание стало для Эммы не менее важным уроком, чем чтение материнского дневника. Оно готовило её не к войне с миром, а к сложному, терпеливому искусству миротворчества. Сначала в своей собственной семье.

Оставшиеся две недели перед отъездом превратились в интенсивный, почти военный тренировочный лагерь. Герхард Броудс, отбросив роль кающегося отца, вернулся в амплуа начальника Внешних связей — человека, чья работа заключалась в подготовке агентов к вбросу в чужие, зачастую враждебные, миры.

Он раскатал на большом обеденном столе пергаментную карту Дариона. Не ту, что показывали рядовым жителям, а служебную, с нанесёнными цветными чернилами зонами влияния, магическими аномалиями и сетью порталов.

— Забудь про «королевство» в сказочном смысле, — его указка скользнула от столицы, Антелиума, к границам. — Это империя. Старая, могущественная и гнилая изнутри. Антуан Пятый держится на троне благодаря хитроумному балансу сил между пятью великими домами, храмом Семи Божеств и гильдиями магов. Ты попадаешь прямо в эпицентр.

Он показал на гербы, нарисованные на полях.

— Дом Виджоров — тайная полиция, инквизиция и теневой контроль. Улвер стоит во главе. Их девиз: «Порядок любой ценой». Избегай любого контакта. Дом Тросберов — торговля, финансы, внешние связи. Новые деньги, жаждущие древних титулов. Геранда — их козырная карта. Дом Чесвертонов — военные. Консерваторы, честь и долг. Сапирия, если это та, о которой я думаю, — младшая дочь лорда Чесвертона. С ней можно быть осторожно открытой. Дом Убедкалей — маги, учёные, хранители знаний. Дарлия, вероятно, из побочной ветви. Умна и неопасна. Дом... — он запнулся. — Дом Франстов. Аристократия службы. Джордан — его глава сейчас. Их сила не в землях, а в информации и связях между мирами.

Эмма впитывала, делая пометки в блокноте. Это была не абстрактная история, а карта минного поля, по которому ей предстояло идти.

— При дворе говорят одно, подразумевают другое, а думают третье, — Герхард устроил практическое занятие в гостиной. — Покажи мне «Я восхищена вашим нарядом, но он безвкусен».

Эмма неуверенно улыбнулась.

— Слишком открыто. Ты оскорбила. Вот так. — Он продемонстрировал: лёгкий наклон головы, улыбка, доходящая лишь до уголков губ, и мгновенный, скользящий взгляд на платье с едва заметной искоркой насмешки в глазах. — Теперь «Я слушаю вас с величайшим интересом» (но это скучнейшая чушь).»

Это оказалось сложнее. Требовался особый, расфокусированный взгляд при кивке.

— И самое главное — «Я безобидна». Твоя главная маска. Никакого прямого взгляда надолго. Плечи чуть ссутулены. Улыбка неширокая. Тымышь. Серенькая, незаметная мышка, которую никто не станет травить, потому что и незачем.

Он заставил её отрабатывать эти мимические упражнения перед зеркалом, пока она не начала видеть в своём отражении не Эмму, а некую бледную, вежливую тень. Это было жутковато.

— Ты не чувствуешь магию, но должна понимать её проявления, — объяснял Герхард, показывая ей фотографии артефактов и ритуалов. — Если маг начинает жестикулировать и бормотать на званом ужине — это не угроза, это, скорее всего, тост-благословение. Отвечай лёгким кивком. Если свечи загораются сами — не хватайся за воду. Это знак уважения к высокому гостю. Твоё невежество могут простить, если оно выглядит как скромность землянки. Но твою панику сочтут за оскорбление.

Он научил её базовым жестам уважения: как сложить ладони в ответ на магический жест приветствия, как не переступать через магические круги, нарисованные на полу (даже если они выглядят как просто узор), как отказываться от предложений магической еды, не обижая хозяина («Благодарю, но моё земное тело ещё не привыкло к такой благодати»).

Это были уже не лекции, а доверительные беседы вечерами, когда Эльза приносила им какао.

— Никогда не оставайся наедине с Улвером Виджором. Ни при каких обстоятельствах. Если такое предложение поступит — ссылайся на внезапное недомогание, позор земли, что угодно. Доверяй Джордану. Но помни — его первая верность империи. Он поможет тебе в рамках разумного. Не заводи близких друзей среди фрейлин. Приятельницы — да. Союзницы — нет. Каждая из них — агент своего дома. Если увидишь что-то с помощью дара... — он делал паузу, — никаких внешних реакций. Ни вздоха, ни взгляда, ни изменения выражения лица. Ты ничего не видишь. Ты ничего не знаешь. Твоя главная задача — вписаться. Выучиться. Получить доступ к библиотеке. Всё остальное — вторично.

Пока отец был на работе, Эмма погружалась в фолианты, которые он привозил с Дариона. Это были не сухие учебники, а живые свидетельства: мемуары придворных, сборники светских сплетен столетней давности, трактаты по геральдике, даже романы, популярные среди знати.

Она учила не просто имена и титулы, а сети родства, старые обиды, тайные договоры. Узнала, что дом Тросберов разбогател на поставках оружия во время последней пограничной войны, и поэтому военные Чесвертоны их презирают, но вынуждены терпеть. Что Убедкали два поколения назад едва не потеряли статус из-за магического эксперимента, вышедшего из-под контроля, и с тех пор яростно защищают свою репутацию.

Она читала о празднике Воздаяния, о котором упоминал отец. Официально — день почтения богов. Неофициально — день, когда магическая энергия мира достигает пика, и могут происходить странности. Именно в такой день её мать получила свой дар. Совпадение? Эмма не верила в совпадения.

Вечерами она тренировалась со своей алой лентой — точнее, с её ощущением. Закрывала глаза и пыталась не «видеть» нити в доме (отца, Эльзы), а чувствовать их натяжение, их «звучание». Она обнаружила, что может немного приглушать этот внутренний взор, если сосредоточится на собственном дыхании. Это было похоже на умение отводить глаза в переполненной комнате.

В последний вечер не было громких слов. Эльза подарила ей неброскую, но невероятно тёплую шаль из той самой ажурной пряжи.

— Там, в северных покоях, бывает сыро, — сухо пояснила она, избегая глаз. — И береги себя. Пиши. Если что.

Герхард вручил ей тот самый холщовый мешочек с камнями перехода и папку с документами. Его инструкции были краткими, как команды на поле боя.

— Портал откроется в гостиной в 9:00. Будь готова к 8:45. Стража сопроводит тебя прямо к повелителю — это стандартный досмотр. Веди себя как напуганная, но благодарная девица из глухой провинции. Которая, — он ткнул пальцем ей в лоб, — на самом деле всё видит и всё запоминает.

Он обнял её, и это был жёсткое, короткое объятие солдата, провожающего товарища в разведку.

— Ты — кровь моя и плоть Юлии. Ты справишься. А если нет... — он отступил на шаг, и в его глазах блеснула сталь. — У тебя есть запасные выходы. Пользуйся ими без колебаний. Животные инстинкты в дворцовых стенах — не недостаток, а преимущество.

Ночью Эмма не спала. Она стояла у окна в своей комнате, глядя на знакомую улицу, на фонарь, на голые ветви клёна. Она чувствовала себя Золушкой, которую не на бал отправляют, а в тыл врага. Её каретой будет портал, её туфелькой — маска послушной простушки, а её феей-крёстной была тень матери с оборванной алой лентой в руках.

Она положила ладонь на запястье. Оно по-прежнему было пустым. Чистым листом. Страшным и полным возможностей.

Эмма вздохнула, погасила свет и начала мысленно повторять имена, титулы, жесты, правила. Она была больше не просто Эммой Броудс. Она была ученицей, заговорщицей, носителем тайны. И завтра ей предстояло сыграть самую важную роль в своей жизни — роль самой себя, настолько хорошо спрятанной, чтобы её не нашли даже в самой гуще дворцового света.

Первая часть её пути заканчивалась здесь, у окна её детской комнаты. Вторая — только начиналась где-то там, за гранью реальности, в сияющих и опасных залах Дариона.

Глава 3

Портал открылся ровно в девять утра, как и обещал отец. Он возник не с грохотом и вспышкой, а как тихое чудо: воздух в центре гостиной задрожал, заколебался, словно нагретый асфальт в зной, а затем просто расползся, открыв овальный проход. Сквозь него была видна не комната, а другой мир: высокий сводчатый потолок, выложенный синей керамической плиткой, и лица двух стражников в латах цвета воронёной стали.

Последние объятия были краткими, почти поспешными. Эльза сунула ей в руку дорожную сумочку, Герхард лишь кивнул, его челюсть была сжата так, что выступили белые точки на скулах. Эмма сделала глубокий вдох, запахла новое, скромное шерстяное пальто, подаренное мачехой, и шагнула вперёд.

И мир перевернулся.

Первым ударил воздух. Он не был насыщен кислородом или углекислым газом. Он был насыщен жизнью. В нём витал сладковатый аромат незнакомых цветов, пряная нота древесной смолы, лёгкий металлический привкус озона после грозы и что-то ещё — осязаемая, почти осязаемая вибрация, будто сама реальность здесь пела на иной, неземной частоте. Эмма закашлялась, глаза её слезились. Это было как вдохнуть не воздух, а чистую, концентрированную магию.

Звук. Тишина в приёмной залы порталов была звенящей, но не пустой. Она была наполнена едва уловимым, непрерывным звоном, похожим на звук хрустальных бокалов, если провести по их краю. И этот звон шёл от самих стен, от плитки на полу, от факелов в железных бра.

Свет. Он лился не из окон — их здесь не было, — а от самих стен и потолка. Керамические плитки были не просто синими. Они были живыми. В их глубине плавали, переливаясь микроскопические светящиеся организмы, создавая эффект мерцающего звёздного неба или морской пучины. Этот свет был холодным, призрачным, но не болезненным для глаз.

Эмма замерла, пытаясь справиться с сенсорной перегрузкой. Её земное тело, её земные чувства протестовали, цепляясь за память о тусклом осеннем солнце и запахе кофе.

— Эмма Броудс?

Голос был жёстким, лишённым всяких интонаций, как удар камня о камень. Перед ней стоял старший из стражников — мужчина лет сорока с лицом, изборождённым шрамом от виска до подбородка, и холодными, как озёрная гладь зимой, глазами. На его латном нагруднике был вычеканен герб — стилизованный глаз в треугольнике. Дом Виджоров.

— Да... Это я, — выдавила Эмма, стараясь придать голосу лёгкую дрожь — не совсем притворную.

— Документы.

Она протянула папку. Стражник, не отрывая от неё оценивающего взгляда, быстро пролистал бумаги. Его товарищ, помоложе, смотрел на неё с немым любопытством.

— Герхард Броудс... Жа, помню. Смылся в мир без магии. И вот вернул щенка, — он бросил папку обратно в её руки. — Идём. Его Величество почтил тебя аудиенцией. Не задерживай.

Он развернулся и зашагал вперёд по длинному, уходящему вдаль коридору, не оборачиваясь. Эмма поспешила за ним, волоча чемодан. Его каблуки отбивали чёткий, зловещий ритм по каменным плитам.

— Капитан Ренар, — вдруг сказал он, не оборачиваясь, словно угадав её мысленный вопрос. — И да, я знаю твоего отца. Он был хорошим тактиком. Но слабым. Позволил чувствам затмить долг.

Эмма промолчала, чувствуя, как закипает гнев. Но она вспомнила уроки отца: «мышь, будь мышью».

Они вышли из залы порталов в главную галерею замка Антелиума. И здесь Эмма окончательно потеряла дар речи.

Пространство. Оно не подчинялось земной физике. Коридоры не просто расходились в стороны — они уходили вверх по спиралям, пересекались мостами, проложенными над бездонными атриумами, в которых росли целые деревья с листьями из полупрозрачного нефрита. Потолки то опускались низко, то взмывали ввысь на сотню метров, теряясь в дымке, где парили какие-то сияющие существа, похожие на скатов.

Архитектура. Камень здесь не был просто камнем. Он «тек». Колонны из белого мрамора были оплетены живыми лозами с фиолетовыми цветами, которые медленно раскрывали и закрывали свои бутоны в такт невидимому дыханию. Витражи не просто пропускали свет — они его преломляли в целые радужные сцены: вот охота на светящихся оленей, вот коронация древнего короля, вот падение звезды. Картины двигались.

Люди. Их было не так много, но каждый был произведением искусства. Дамы в платьях, ткань которых меняла цвет в зависимости от угла зрения или настроения хозяйки. Кавалеры в камзолах, вышитых не нитями, а светящимися насекомыми, застывшими в изящных узорах. Повсюду мерцали амулеты, звенели магические браслеты, по полу бесшумно скользили слуги в ливреях, но у некоторых из них за спиной трепетали полупрозрачные крылья, а у иных кожа отливала перламутром.

И повсюду нити. Алые, серебристые, золотые, бирюзовые. Они опутывали этот мир невидимой для других паутиной. Эмма видела, как от гордой дамы в изумрудном платье тянулась ярко-алая нить к пожилому магу с лицом аскета. Видела, как у молодого пажа была тонкая розовая ниточка, запутанная и перекрученная. Видела одну-единственную, невероятно толстую и прочную золотую нить, что шла откуда-то сверху, с самых покоев повелителя, и терялась в глубинах замка. Это было ошеломляюще. Красиво и чудовищно. Она чувствовала себя слепой, которой внезапно вернули зрение в переполненной картинной галерее.

— Не пялься, землянка, — рявкнул капитан Ренар, заметив её замешательство. — Здесь не на чудеса глазек, а служат. Или становятся частью интерьера. Надеюсь, ты хоть базовые манеры знаешь?

— Мой отец обучал меня, — тихо ответила Эмма, опуская глаза. Она заметила его собственную нить. Она была не алой, а тёмно-серой, толстой, как канат, и тянулась не к кому-то, а уходила в пол, прямо под ноги, словно привязывая его к самому замку, к долгу. И она была измождённой. Будто её годами держали в натяжении.

— Обучал, — фыркнул Ренар. — Земными понятиями. Здесь всё иначе. Здесь сила решает. А у тебя её нет. Ни крови, ни магии. Так что советую прижимать уши и не высываться. Для таких, как ты, обычно два пути: стать чьей-то игрушкой или исчезнуть в архивах. Думаю, твой отец рассчитывал на второе.

Он говорил это без особой злобы, скорее с холодной констатацией факта. Его подозрительность была не личной — он смотрел на неё как на потенциальную угрозу системе, слабое звено, глупого щенка, которого занесли в стерильную операционную.

Они поднимались по лестнице, вырезанной из цельного ствола гигантского хрустального дерева (или это был кристалл, выращенный в форме дерева?), когда навстречу спустилась Геранда Тросбер. Эмма узнала её сразу — по осанке, по холодной красоте, по тому, как алмазы в её причёске вспыхивали в ответ на свет витражей.

Капитан Ренар отступил в сторону, отдавая честь. Геранда даже не взглянула на него. Её ледяной взгляд пронзил Эмму, оценил, нашёл ничтожным и отбросил.

— Неужели это новая фрейлина? Не знала, что претендентки на это место столь измечались.

— Нет, миледи, — ответил Ренар. — Это новая помощница господина Франста.

— Франста? — бровь Геранды изящно поползла вверх. — Я думала, у него в помощники только мужчины попадают. Или же она чья-то протеже?

Этот тон, эта насмешка задела Эмму за живое. Глупее всего было бы огрызаться. Но она вспомнила урок: «мышь может и укусить, если наступить на хвост».

— Ничья я не протеже! — прозвучало громче, чем она планировала. — Кто вам вообще дал право так обо мне говорить?!

Тишина повисла густая, как смола. Ренар замер, его лицо стало каменным. Геранда застыла, её прекрасные черты исказились от невероятного, чистейшего возмущения.

— Что? Ты хоть знаешь, с кем сейчас разговариваешь?!

Последующие события — появление повелителя, его вмешательство — прошли для Эммы как в тумане. Она механически кланялась, отвечала, но её мозг был занят обработкой нового мира. Она стояла в самом сердце Дариона, и этот мир был бесконечно прекрасен, бесконечно сложен и бесконечно опасен. Он дышал магией, жил интригами и был опутан паутиной судеб, видимой только ей одной.

И глядя в спокойные, но невероятно проницательные глаза Антуана Пятого, она понимала: Капитан Ренар был прав. Здесь решает сила. И у неё была только одна, тайная сила — видеть невидимые связи. Теперь ей предстояло научиться ходить по этим невидимым нитям, как канатоходец над пропастью, где одно неверное движение, и падение будет не в сетку, а в бездонные подземелья замка или в лапы таких, как Улвер Виджор.

Её приключение началось. И первый урок был прост: здесь даже воздух мог солгать. А правду можно было увидеть только внутренним взором, ценой невероятного риска.

Кабинет Повелителя был не таким, как представляла себе Эмма. Она ждала помпезности, золота, тронов и свитков законов. Вместо этого она попала в просторную, но удивительно аскетичную комнату, напоминавшую больше кабинет учёного или стратега.

Стены были обшиты тёмным деревом, на них висели не портреты предков, а карты — странные, трёхмерные, где материки плавали в магических туманах, а границы мерцали разными цветами. Огромный стол из чёрного, отполированного до зеркального блеска камня был завален не золотыми безделушками, а чертежами механизмов, отчётами с полевыми зарисовками чудовищ и стопками книг с потрёпанными корешками. В воздухе витал запах старой бумаги, ладана и кофе. Настоящего, земного кофе.

Антуан Пятый стоял у огромного окна, занимавшего всю дальнюю стену. Оно выходило не на парадный двор, а на дикий, горный пейзаж — острые пики, окутанные лиловыми облаками, и водопад, падавший в бездну с такой высоты, что вода превращалась в сияющую пыль. Он был в простом тёмно-синем камзоле без вышивки, его каштановые волосы, слегка тронутые сединой у висков, были собраны в небрежный хвост. Он смотрел вдаль, и в его позе читалась не властность, а глубокая, костная усталость.

— Ваше Величество, мисс Эмма Бродс, — доложил капитан Ренар, склонившись в почтительном, но не рабском поклоне.

Антуан обернулся. И Эмма впервые увидела его лицо не как символ власти, а как лицо человека. Ему было около сорока пяти, черты — благородные, резкие, но не холодные. Усталые морщины у глаз, жёсткая складка у рта, привыкшая сдерживать слова. Но самое главное — его глаза. Они были цвета старого золота, проницательные, умные и невероятно уставшие. В них не было ни капли праздного любопытства к новой юбке в замке. Был оценивающий, аналитический взгляд.

— Спасибо, капитан. Можешь идти, — голос у повелителя был низким, чуть хрипловатым, как у человека, который много говорит и мало спит.

Ренар ушёл, закрыв дверь. Тишина в кабинете стала иной — плотной, насыщенной. Антуан жестом пригласил Эмму к креслу у стола, а сам присел в своё, обитое потертой кожей.

— Прошу прощения за столь срочную аудиенцию, мисс Броудс, — начал он, откидывая со лба прядь волос. — Но когда Герхард Броудс просит об услуге, да ещё так настойчиво, это всегда что-то значит.

Он говорил о её отце не как о подданном, а как о коллеге, чьё мнение имеет вес.

— Он хорошо служил короне. И ушёл достойно, не дожидаясь, когда его вынесут ногами вперёд. Редкое качество.

Эмма молчала, опустив глаза, играя роль скромницы. Но внутренне она вся была настроже.

— Ваш отец пишет, что вы хотите познакомиться с нашей культурой, историей. Это похвально. Хотя, — он слегка склонил голову, — признаться, я удивлён. Большинство земных, рождённых от смешанных браков, предпочитают оставаться в своём более предсказуемом мире.

— Мир моего отца — тоже мой мир, Ваше Величество, — тихо, но чётко сказала Эмма. — И мне интересно узнать его корни. Историю, которая течёт в моих жилах, даже если магия обошла меня стороной.

Он внимательно посмотрел на неё, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на интерес.

— «Обошла стороной»... Любопытная формулировка. Как будто магия — это дождь, который может пролиться, а может и миновать. Обычно люди говорят «лишила» или «не наградила». В ваших словах нет обиды. Есть принятие.

Эмма внутренне похолодела. Он был слишком наблюдателен.

— Я научилась ценить то, что имею, Ваше Величество.

— Мудро, — он откинулся в кресле, взял со стола простую глиняную кружку и отпил. Запах кофе усилился. — Ваша мать... Юлия. Она тоже умела ценить то, что имела. И отказываться от того, что считала неправильным, даже если это сулило большую выгоду.

Сердце Эммы упало. Он перешёл к сути слишком быстро.

— Вы знали мою мать? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Видел пару раз. На приёмах. Женщина с необычным взглядом на мир. Она смотрела на людей так, будто видела не их титулы или наряды, а что-то внутри. Это смущало придворных. — Он сделал паузу, его золотые глаза изучали Эмму. — Вы удивительно на неё похожи. Особенно когда насторожены. Та же линия подбородка. Тот же огонь в глазах, даже когда вы их опускаете.

— Мне льстит такое сравнение, — пробормотала Эмма.

— Это не лесть. Это констатация факта, — он поставил кружку. — И потому я буду с вами откровенен, мисс Броудс. Замок — не безопасное место для неординарных людей. Особенно для тех, кто не имеет магической защиты или влиятельной фракции за спиной. Ваш отец просил меня о покровительстве. Я даю его. Вы будете помощницей Джордана Франста — человека честного и влиятельного. Вам будет предоставлен доступ в библиотеку и архивы. Но. — Он встал и снова подошёл к окну, глядя на водопад. — Но вы должны понимать, что моё покровительство как этот водопад. Оно зрелищно и внушительно, но на расстоянии. Я не могу контролировать каждый шаг в коридорах. Не могу остановить сплетни или излишнее внимание некоторых придворных. Вы должны быть умнее их. Осторожнее.

Он обернулся, и теперь в его усталых глазах читалось нечто, похожее на предупреждение, адресованное не ребёнку, а равному.

— Здесь любят яркие игрушки. А вы, с вашей земной непосредственностью и странным семейным прошлым, можете показаться именно такой игрушкой. Мой совет: станьте серой

мышкой. Скучным клерком. Человеком, который интересен только старыми книгами. Это скучно. А на скучное быстро перестают обращать внимание.

Это был тот же совет, что давал отец. Но из уст Повелителя он звучал иначе — не как отеческая забота, а как стратегическое указание опытного игрока.

— Я понимаю, Ваше Величество. Я здесь чтобы учиться, а не чтобы блистать.

— Надеюсь, что это так, — он слегка улыбнулся, и улыбка эта на мгновение сгладила усталость с его лица, сделав его почти молодым. — Потому что если вы решите блистать, то быстро обнаружите, что свечи при дворе горят не только светом, но и жаром. И обжечься о них очень легко. — Он сделал паузу, и его взгляд стал тяжёлым, проникающим. — И ещё один совет, от сердца. Избегайте Улвера Виджора. Любой ценой. Капитан Ренар — его человек. Вы уже произвели на него впечатление. Доклады уже пишутся. Будьте не просто серой. Будьте предсказуемо-скучной, как отчёт о поставках зерна из третьего кольца миров.

Эмма кивнула, потрясённая его прямой откровенностью. Этот человек не играл с ней. Он выкладывал карты на стол. Почему? Из уважения к отцу? Или потому, что видел в ней что-то?

— Я благодарна за вашу прямоту и заботу, Ваше Величество.

— Не благодарите. Я просто исполняю старый долг, — он махнул рукой, снова становясь правителем. — Ваши покои приготовлены. Служанка будет в вашем распоряжении. Работу у Франста начнёте через пару дней. А сейчас отдыхайте. И добро пожаловать на Дарион, мисс Броудс. Надеюсь, вы найдёте здесь то, что ищете.

Это было явное окончание аудиенции. Эмма поднялась, сделала реверанс — тот, которому учил отец, не слишком низкий, но почтительный, — и пошла к выходу.

У самой двери его голос остановил её.

— Мисс Броудс... — Она обернулась. Антуан V снова смотрел в окно, на сияющую пыль водопада. — Ваша мать однажды сказала мне, что у каждого человека есть своя правда, которую он носит внутри, как свечу в ветреную ночь. И что задача мудрого правителя не гасить эти свечи, даже если их свет ему неприятен, а просто не мешать им гореть. — Он повернул голову, и его профиль на фоне гор казался вырезанным из древнего камня. — Я стараюсь следовать этому совету. Надеюсь, и вы найдёте способ уберечь свою свечу от сквозняков коридоров.

Дверь закрылась за ней. Эмма стояла в пустом коридоре, прислонившись к прохладной стене, и пыталась перевести дыхание.

Это был не ловелас. Это был правитель, несущий на своих плечах тяжесть империи и видящий в ней не только блеск, но и всю подноготную. Его интерес к ней был многогранен: долг перед отцом, любопытство к дочери необычной женщины, и предостережение. Чёткое, ясное предостережение о том, что её секрет, если он существует, может быть опасен не только для неё.

Она посмотрела на свою руку. Алых нитей в роскошном кабинете она, к своему удивлению, почти не видела. Была только одна — тонкая, почти прозрачная золотая нить, что тянулась от кресла повелителя куда-то вглубь замка, в сторону жилых покоев. Она не была яркой. Она была старой, прочной и грустной.

Антуан V носил свою свечу правды. И его правдой, как Эмма теперь понимала, было одиночество на самой вершине. Одиночество, которое он пытался скрасить, охраняя чужие маленькие, хрупкие огоньки вроде того, что сейчас трепетал в её груди, зажатый в кулаке страха и решимости.

Служанка Мариэль, тихая и проворная, как тень, проводила Эмму в её новые покои, что в северном крыле, как оказалось, «по прихоти леди Тросбер». Сама комната оказалась тёплым, сиреневым гнездышком, напоминающим мамины любимые цвета. Эта деталь — то ли

забота, то ли совпадение — тронула Эмму до глубины души, но насторожила. Кто мог знать о её предпочтениях? Отец? Или кто-то покопался в её прошлом?

Она уже начала было распаковывать чемодан, полная мрачных мыслей, когда в дверь осторожно постучали.

— Войдите, — сказала Эмма, ожидая Мариэль или другого слугу.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась сначала ярко-рыжая, завитая в идеальные локоны голова, а затем — миловидное лицо с озорными карими глазами и веснушками на носу.

— Можно? Мы не помешаем? Мы слышали, что прибыла новая гостья, и просто не могли не заглянуть поздороваться!

Не дожидаясь ответа, девушка впорхнула в комнату. Она была одета в платье изумрудного цвета, отделанное серебряной тесьмой, которое шуршало при каждом движении. За ней, с более сдержанной, но не менее дружелюбной улыбкой, вошла вторая — брюнетка с гладким, пышным каре и умными серыми глазами. На ней было более простое платье лавандового оттенка, но покрой и ткань выдавали в ней не менее знатную особу.

— Я Сапирия Чесвертон, — представилась рыжая, делая игривый реверанс. — А это моя тень и голос разума, Дарлия Убедкаль.

— Эмма Броудс, — ответила Эмма, вставая и слегка кланяясь в ответ. — Очень приятно.

— Броудс! — воскликнула Дарлия, её серые глаза расширились от удивления. — Простите, но это ведь фамилия бывшего начальника Внешних связей?

— Да. Герхард Броудс — мой отец.

Девушки переглянулись. В их взгляде не было враждебности, скорее живой, неподдельный интерес.

— Ничего себе! — выдохнула Сапирия. — А мы думали, он навсегда остался в том мире, без магии.

— Он там. А я... Мне захотелось узнать мир, из которого он родом.

— И как он вам пока что? — спросила Дарлия, осматривая комнату опытным взглядом. — Не слишком ли подавляет? У некоторых земных бывает паника от избытка эфирных фонов.

Эмма отметила профессиональный термин — «эфирные фоны». Значит, Дарлия из магического дома Убедкалей действительно разбиралась в теории.

— Голова немного кружится, — честно призналась Эмма. — И воздух... Он другой.

— А, это нормально! — махнула рукой Сапирия. — Через пару дней привыкнешь. Зато какой здесь вид! — она подбежала к окну. — О, тебе не повезло, у тебя на конюшни. У меня из окна виден Изумрудный сад. Тебе обязательно нужно его увидеть!

— Если леди Тросбер позволит мне там гулять, — не удержалась от колкости Эмма.

На лицах обеих девушек появились одинаковые гримасы понимания.

— А, вы уже познакомились с нашей будущей королевой, — сказала Дарлия, и в её голосе прозвучала лёгкая, но отточенная ирония. — Не волнуйтесь, она со всеми новыми девушками так. Особенно если они... Ну, не из её круга.

— И особенно если повелитель удостоил их отдельной аудиенции, — добавила Сапирия, подмигивая. — Мы видели, как ты вышла из его кабинета. Лицо у тебя было такое просветлённо-испуганное. Как у первого курса после экзамена у старого архимага Торина.

Их открытость была заразной. И, что важнее, Эмма на уровне дара чувствовала их нити. У Сапирии от запястья тянулась яркая, живая алая нить, которая уходила куда-то за пределы замка, в город. Она была прочной и здоровой. У Дарлии же нить была не алой, а серебристой, сложной вязки и уходила в сторону комнат замка.

— Я вообще ничего не понимаю, — призналась Эмма, позволяя себе выглядеть растерянной. Это было несложно. — Кто эти люди, какие правила, где что находится...

— О, это мы можем исправить! — воскликнула Сапирия, хлопнув в ладоши. — Дар, у тебя же сегодня свободный день от архива?

— Да, — кивнула брюнетка. — Я как раз собиралась в сад почитать.

— Идеально! Значит, у нас есть целый день, чтобы взять Эмму под крыло!

И началась первая настоящая экскурсия. Не та, что под надзором капитана Ренара, а живая, наполненная смехом, сплетнями и бесценными деталями.

Они показали ей «карту фракций» в действии.

Проходя по Галерее Предков, Сапирия, прикрыв рот веером, шептала:

— Вон, смотри, группа у фонтана. В синем — лорд Виджор, племянник Улвера. Говорят, он отвечает за цензуру магических трактатов.

— Рядом с ним дама в серебре — это леди Убедкаль, моя тётя, — пояснила Дарлия. — Она пытается выбить финансирование для новой обсерватории. Видишь, как она едва не скрипит зубами? Она ненавидит Виджоров, но вынуждена вежливо улыбаться.

— А вон там, — кивнула Сапирия в сторону балкона, где несколько молодых людей что-то оживлённо обсуждали, — молодые орлы из дома Чесвертонов, мои братья. Они помешаны на военной истории и презирают «торгашей Тросберов». Постарайся не говорить с ними о финансах.

Они научили её читать «язык вееров и цветов»:

— Видишь, у леди в розовом веер полураскрыт и прижат к груди? — шептала Дарлия в Парадной гостиной. — Это значит «я свободна и ищу знакомства». А вот у той, в лиловом, веер полностью раскрыт и скрывает нижнюю часть лица — «будь осторожен, за нами следят». Цвета тоже важны. Синий — верность короне, зелёный — надежда на выгодный брак, жёлтый — ревность, чёрный — траур или скрытая угроза.

Они провели её через настоящий лабиринт служебных коридоров и потайных лестниц:

— Это дорога прислуги, — объясняла Сапирия, ведя их узким, но чистым коридором за обоями с цветочным орнаментом. — Здесь почти никогда нет придворных. Если нужно куда-то быстро и незаметно — это твой путь. Только запомни повороты: три левых, потом винтовая лестница вниз, потом направо до картины с охотничьими собаками — и ты в двух шагах от кухни. А оттуда уже можно попасть куда угодно.

Дарлия, со своей стороны, показала ей короткий путь в королевскую библиотеку через зал астрономических приборов.

— Сторож там — старик Фолрин, он почти ничего не видит и всё время дремлет. Если шепнуть ему «Убедкаль послала», он тебя пропустит, даже если у тебя нет формального допуска. Пока что.

И наконец, в Изумрудном саду, среди поющих деревьев и цветов, меняющих окраску, они устроили настоящий «инструктаж».

Они уселись на скамейку, скрытую плакучей ивой с хрустальными листьями.

— Теперь серьёзно, — сказала Дарлия, её обычно спокойное лицо стало серьёзным. — Ты должна понять, в какую игру попала. Здесь все играют. Даже мы.

— Даже вы? — удивилась Эмма.

— Конечно! — Сапирия усмехнулась. — Моя игра — найти хорошего мужа, который не будет против, если я буду тратить его деньги на благотворительность для сирот войны. Игра Дар — получить доступ к запретному фолианту по спиральной магии. А твоя игра, пока что, — выжить и не стать пешкой.

— Пешкой в чьих руках?

— Улвера Виджора, — без обиняков сказала Дарлия. — Он видит угрозу во всём неконтролируемом. Ты — дочь человека, который ушёл, отказавшись от системы. Ты — потенциальная слабость. За тобой будут следить.

— Или Геранды Тросбер, — добавила Сапирия. — Она видит соперницу в каждой молодой женщине при дворе. А ты, прости, но ты не похожа на других. В тебе есть что-то от земли. Что-то настоящее. Это привлекает внимание. И Его Величества тоже.

Эмма покраснела.

— Я не интересуюсь повелителем. Я здесь работать.

— Это не имеет значения, — покачала головой Дарлия. — Важно, что она думает. И она уже решила, что ты интересна ему. Поэтому будь готова к пакостям. Мелким, но противным. Испорченное платье, слухи, «случайно» разлитое вино на тебя во время приёма.

— Что же мне делать? — спросила Эмма, чувствуя, как её охватывает знакомое чувство ловушки.

— То, что мы тебе покажем, — улыбнулась Сапирия. — Дружи с нами. Мы не самые могущественные, но у нас есть связи и мы знаем правила. Будь скучной и полезной на службе у Франста. И найди себе покровителя. Не такого могущественного, как повелитель, а такого, чья защита будет естественной.

— Например?

— Например, Джордан Франст. Он уважаем. Или моя тётя, — предложила Дарлия. — Ты же интересуюсь историей? Приди в архив, попроси совета по книгам. Прояви искренний интерес. Убедкали ценят ум. Если ты заинтересуешь тётю, она неофициально возьмёт тебя под опеку. А это уже серьёзный щит.

Эмма слушала, и её сердце наполнялось странной смесью страха и благодарности. Эти две девушки, почти незнакомые, предлагали ей союз. Настоящий. И в их нитях она видела не ложь, а искреннюю готовность помочь.

— Почему? — спросила она наконец. — Почему вы мне помогаете?

Сапирия и Дарлия переглянулись.

— Потому что скучно, — честно сказала Сапирия. — Все девушки здесь как нарисованные. А ты живая. И в тебе есть вызов системе. Это интересно.

— А ещё, — добавила Дарлия более мягко, — потому что когда-то кто-то помог и нам, когда мы впервые попали сюда. Это как негласное правило среди тех, кто не хочет превращаться в монстров. Мы передаём эстафету.

Эмма улыбнулась. Впервые с момента приезда она почувствовала не одиночество, а опору. Две точки в этом огромном, враждебном замке. Ненадёжные, хрупкие, но настоящие.

Когда они шли обратно, уже в сумерках (здесь сумерки были фиолетовыми и длились всего полчаса), Эмма подумала, что её дар видеть нити оказался прав. Нити Сапирии и Дарлии не были к ней привязаны. Но они излучали доброе, серебристое сияние дружелюбия и любопытства. А это, возможно, было сейчас важнее любой алой связи. Это была не судьба, а выбор. И в мире, где всё было предопределено титулами и интригами, возможность выбора казалась самой большой роскошью и самым сильным оружием.

Западное крыло замка, где располагалось Управление Внешних связей, было другим миром. Не таким ослепительным, как парадные залы, но и не таким запутанным, как служебные лабиринты. Здесь царила строгая, деловая атмосфера, пахнувшая пергаментом, чернилами и лёгким запахом озонки от постоянно работающих магических коммуникаторов.

Кабинет Джордана Франста был просторным и функциональным. За большим дубовым столом с зелёным сукном кипела работа: карты, свитки, донесения, образцы артефактов в запечатанных ящиках. На стенах висели не гобелены, а схемы: «Сеть стабильных порталов Дариона», «Классификация миров по магическому индексу», «Дипломатический статус соседних держав».

Джордан встретил её с отеческой теплотой, но без лишних сантиментов.

— Работа наша, Эмма, — объяснил он, обводя рукой кабинет, — это быть глазами и ушами империи за её пределами. Мы составляем отчёты о новых мирах, ведём переговоры о

торговых маршрутах, отслеживаем магические аномалии, которые могут угрожать стабильности. Скучно? Часто. Важно? Всегда.

Он представил её небольшому коллективу — семерым помощникам разного возраста. Были и молодые амбициозные аристократы, и седовласые клерки, просидевшие за конторками всю жизнь. Их нити были заняты работой — сплетались в сложные узлы вокруг карт и документов, почти не выходя за пределы комнаты. Только у одного, молодого парня с умными глазами, Эмма заметила яркую алую нить, уходящую куда-то в город. Любопытно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.